

Возвращение в настоящее

Перед Те Хэнцю, укутанный в белоснежный мех, стоял Юэ Бочжи. Его фигура была изящна, как дикая орхидея, и холодна, как лезвие клинка.

Трое преследователей отступили ещё на полшага, не решаясь приблизиться.

Юэ Бочжи бросил взгляд на Алую птицу, всё ещё барахтавшуюся в огненной ловушке, и с едва слышной усмешкой произнёс: «Огненная птица, пойманная в ловушку огня... Стыдно признаться».

Услышав это, Алая птица разразилась грязной бранью: «Я чирикал твой щебет!»

Глава Павильона Небесных тайн не осмелился больше испытывать судьбу. Взмахнув рукавом, он погасил пламя.

Алая птица тут же подлетела к Юэ Бочжи и, усевшись на его плечо, с видом, полным птичьей гордости, свирепо посмотрела на толпу и принялась громко чирикать, демонстрируя свою неукротимую энергию.

«Я знал, что Алая птица — бывший духовный питомец феи Лофу, и, конечно же, не посмел бы проявить к ней неуважение. Я ничуть её не ранил», — поспешно заверил глава Павильона Небесных тайн.

И действительно, птица выглядела гладкой и блестящей, что подтверждало его слова. Он действовал сдержанно, лишь временно обездвижив её, не причинив вреда.

Но усмешка в глазах Юэ Бочжи стала ещё холоднее: «Раз ты знаешь, что на Пике Ста Чжанов нельзя трогать даже птицу, как ты посмел тронуть моего человека?»

«Это...» — глава Павильона Небесных тайн замер, на его лбу выступил холодный пот.

«Тут... тут, должно быть, какое-то недоразумение...» — поспешила вмешаться глава Дворца Парящих облаков.

«Мы действительно не хотели причинять вред ученику с Пика Ста Чжанов, просто хотели кое-что у него выяснить, — настоятель Храма Небесного звука проявил удивительную гибкость, его тон стал мягким и учтивым. — На это, кстати, и глава школы Юнь дал своё согласие».

Юэ Бочжи холодно усмехнулся: «Мне неинтересны ваши истории. К тому же, я устал и болен, у меня нет сил разбираться в ваших дрызгах».

Услышав слова «устал», «болен», «нет сил», все трое напряглись. Юэ Бочжи начинает жаловаться на здоровье!

А каждый раз, когда Юэ Бочжи жалуется на здоровье, это предвещает кровопролитие!

Юэ Бочжи прикрыл рот рукой и кашлянул.

Холодный пот потек по их спинам ещё обильнее. Он кашляет!

Значит, скоро прольётся кровь!

«Юэ-цзунь, если вы не верите...» — в панике начал глава Павильона Небесных тайн.

«Я устал, мне нужно принять лекарство», — внезапно перебил его Юэ Бочжи.

«А?» — все трое на мгновение растерялись, но в их сердцах затеплилась надежда.

Он сказал, что уходит?

Это же прекрасно!

Уходи, уходи скорее!

Юэ Бочжи, заметив их реакцию, тихо усмехнулся: «Тогда прошу вас позаботиться о моём ученике. Если на Пике Ста Чжанов не станет этого ученика, сажающего деревья, зимняя слива не зацветёт... — он сделал паузу, медленно обводя их взглядом, — и тогда мне придётся последовать примеру Лю Лю и поймать пару-тройку умельцев, чтобы сделать из них удобрение для цветов».

При этих словах лица всех троих резко изменились.

Однако ему было не до их реакции. Легко оттолкнувшись от земли, он взмыл в воздух.

В этот момент небеса сотряс раскат грома, и первая молния ударила в Те Хэнцю.

Его лицо стало пепельно-серым, очевидно, он не мог выдержать такого удара.

«Чего застыли? Защищайте его!» — стиснув зубы, крикнул глава Павильона Небесных тайн.

«За... защищать?» — опешил настоятель.

Глава Дворца Парящих облаков тоже пришла в себя: «Ты что, не понял, что сказал Юэ Бочжи? Этот никчёмный ученик сегодня не должен умереть. Если он умрёт, Юэ Бочжи с нас живых не слезет!»

Трое больше не колебались. Мгновенно они образовали треугольник, защищая Те Хэнцю.

Глава Павильона Небесных тайн сложил ладони, и его тело окутало яркое сияние, превратившись в зелёный барьер, который принял на себя вторую молнию.

Он глухо застонал, земля под его ногами пошла трещинами.

Третья молния. Настоятель Храма Небесного звука взмахнул своей метёлкой, и над головой Те Хэнцю появился призрачный золотой колокол.

Но сила молнии была слишком велика, и колокол, продержавшись всего мгновение, покрылся трещинами.

Старые раны настоятеля открылись, и из уголка его рта потекла струйка крови.

Четвёртая молния. Глава Дворца Парящих облаков метнула свой нефритовый меч в небо, призывая молнию на себя.

В момент удара её рука треснула, а меч зазвенел и задрожал.

Благодаря их совместным усилиям Те Хэнцю наконец смог перевести дух, но сила небесной скорби продолжала нарастать, и над головой сгущались ещё более тёмные тучи.

...

Хотя по законам Небесного Дао, если кто-то другой принимает на себя удар, мощь грозовой скорби удваивается, то, что происходило сейчас... было необычно.

Все трое втайне изумлялись: что это за ученик, что его грозовая скорбь при переходе на стадию Зародыша души так сильна?

Те Хэнцю сидел, скрестив ноги, от его волос шёл лёгкий пар.

«Я использовал Искусство прививки сливы, похитил чужую кость, чтобы изменить свою судьбу вопреки небесам, — думал он, не открывая глаз. — Естественно, моя грозная скорбь будет сильнее, чем у других».

Но и его тело было крепче. Эту скорбь он мог выдержать.

Однако...

Он приоткрыл веки и искоса взглянул на троих могущественных совершенствующихся, окруживших его. «Раз уж у меня есть три мастера стадии Преображения духа, чтобы принимать удары на себя, я, конечно, с удовольствием притворюсь слабым».

Поэтому он снова тяжело закашлял, всем своим видом показывая, что вот-вот умрёт.

Жестокая грозная скорбь продолжала обрушиваться, но благодаря защите троих мастеров молнии были для него не страшнее летнего дождя за окном.

Те Хэнцю сидел прямо, и плотный свет молний делал его кожу белоснежной, не оставляя на ней ни единого следа.

А внутри него происходило нечто иное...

В даньтяне духовная сила бурлила, как океан. Золотое ядро внезапно расколосось, превратившись в сияющую звёздную пыль, которая медленно начала сгущаться, формируя зародыш.

Этот зародыш, подобный нефриту, с чертами лица, точь-в-точь как у него, сидел в море духовной энергии, вдыхая и выдыхая эссенцию неба и земли.

Его море сознания тоже расширилось, духовная мысль распространялась, как приливная волна.

Зародыш души был сформирован!

Он был всё ближе к тому, чтобы стать в полушаге от Преображения духа...

В его сознании внезапно всплыло лицо феи Лофу.

Прошло столько лет, что её прекрасный облик уже стёрся из памяти, но её последние слова, словно высеченные на камне, остались в его сердце.

Школа Сокрытого облака, Котёл передачи духа...

Он втайне сжал кулаки. «Что же на самом деле в этом котле...»

Достигнув стадии в полушаге от Преображения духа, он сможет его открыть...

Теперь, когда его зародыш души был сформирован, он был всего в шаге от этой цели.

Он поднял глаза к небу. Грозовые тучи рассеивались, пробивались лучи зари.

Скоро.

Когда грозовая скорбь миновала, он стряхнул пыль с одежды и спокойно встал.

Его облик стал ещё более выдающимся, он словно переродился.

А вот трое мастеров выглядели потрёпанными.

К счастью, они были могущественны, и хоть и выглядели не лучшим образом, серьёзных травм не получили.

Глядя на Те Хэнцю, они уже не осмеливались вести себя с ним пренебрежительно и даже смогли улыбнуться: «Поздравляем, юный друг. В столь юном возрасте достичь стадии Зародыша души — впереди вас ждёт великое будущее».

Те Хэнцю обвёл их взглядом и легко улыбнулся: «Спасибо за ваши старания».

Эти слова прозвучали для них хуже ругани.

Но они понимали, что теперь с этим человеком нельзя ссориться.

Не потому, что он достиг стадии Зародыша души... а из-за Юэ Бочжи, стоявшего за его спиной.

Поэтому они лишь махнули руками, обменялись парой любезностей и больше не упоминали о мешочке.

Те Хэнцю, получив желаемое, тоже не стал развивать эту тему и сказал: «Я должен был бы отблагодарить вас как следует, но Юэ-цзунь ждёт, когда я вернусь, чтобы прислуживать ему, так что я вынужден вас покинуть».

Трое мастеров переглянулись и, скрепя сердце, вежливо поклонились: «Просим».

На Пике Ста Чжанов всё так же лежал снег и цвела красная слива.

Вот только юного послушника по имени Мин Чунь, подметавшего дорожки, больше не было.

«Мин Чуня больше нет, — с лёгкой грустью подумал Те Хэнцю, — а значит, у меня не будет больше законного повода приближаться к Юэ Бочжи».

Перед входом в Павильон, где слушают снег, Тан Сюэ всё так же заваривал чай.

Увидев Те Хэнцю, он встал и улыбнулся: «Хорошо, что ты вернулся».

Те Хэнцю кивнул: «Юэ-цзунь уже отдыхает?»

«Ещё нет, — Тан Сюэ покачал головой и откинул для него занавес. — Входи».

Переступив порог, Те Хэнцю почувствовал, как его окутал тонкий аромат.

Юэ Бочжи полулежал на кушетке, укутанный в белоснежный мех. Серебристый воротник подчёркивал бледность его лица.

Дым из курильницы вился вокруг его широких рукавов, сгущаясь в лёгкую дымку.

Он действительно был несравненным, болезненно-прекрасным созданием.

Юэ Бочжи взглянул на Алую птицу на плече Те Хэнцю, щёлкнул пальцами, но та его больше не слушалась.

Он усмехнулся: «А этот малый и вправду к тебе привязался».

«Это всё благодаря вам», — подумал Те Хэнцю.

Но вслух он этого не сказал, лишь нахмурился и с тревогой произнёс: «Брат Мин Чунь... он... это его последняя воля, кровный договор, который он оставил мне...»

Он изобразил искреннее горе.

Глядя на его готовое вот-вот расплакаться лицо, Юэ Бочжи приподнялся, меховой плащ

соскользнул с его плеч, но он этого не заметил. Его взгляд скользнул по уголкам глаз Те Хэнцю.

Те Хэнцю почувствовал на себе пристальный взгляд Юэ Бочжи — испытующий, оценивающий, холодный, как иней на ветвях сливы.

Он поспешно заставил себя вспомнить тот момент, когда Мин Чунь рассыпался в прах. Тогда он действительно был опечален.

Вспомнив это, он наконец смог выдавить из себя слезу.

Увидев слёзы Те Хэнцю, Юэ Бочжи усмехнулся: «Глупый ребёнок, чего плачешь».

Слова были утешительными, но тон — довольным.

«Раз уж Мин Чунь отдал его тебе, я не буду возражать. С этого дня эта птичка твоя», — добавил Юэ Бочжи.

Те Хэнцю понял, что его игра удалась, но всё же сказал: «Мин Чунь отдал мне этот кровный договор в крайнем случае. Алая птица — духовный питомец феи Лофу, как я могу...»

«Хватит этих разговоров о том, кто чего достоин, — небрежно перебил его Юэ Бочжи. — Человек — венец творения. Это сокровища мира могут быть недостойны человека, а не наоборот».

Услышав это, Те Хэнцю понял, что дальнейшие отказы будут выглядеть наигранно и могут вызвать недовольство Юэ Бочжи.

Он поклонился: «Спасибо, Юэ-цзунь».

«Не меня благодари, — равнодушно сказал Юэ Бочжи. — У духовных зверей есть сердце, это он выбрал тебя».

Те Хэнцю был приятно удивлён.

Хотя Алая птица и обожгла его, он не держал на неё зла.

К тому же, теперь она могла сжигать других, и он полюбил её ещё больше.

Такое сокровище для дома, для убийств и поджогов, для уничтожения улики...

Он радостно коснулся головы Алой птицы, ощутив под пальцами мягкие, как шёлк, перья.

Та ласково потёрлась о его палец.

Юэ Бочжи, глядя на их нежность, усмехнулся: «Тогда дай ему имя».

«Имя?!» — Те Хэнцю замер, вспомнив, что у хозяина есть и такая обязанность.

Он нахмурился: «К сожалению, я не так начитан, как вы, Юэ-цзунь...»

«Ты мечник, к чему эти изыски? — Юэ Бочжи, казалось, был немного раздражён, а может, ему было холодно, и он плотнее закутался в мех. — Имя для духовного зверя должно быть простым и приятным на слух».

Те Хэнцю осёкся: «Простым и приятным на слух...»

Вспомнив о времени, проведённом с Алой птицей, он сказал: «Он каждую ночь чирикает, так что пусть будет Е Чжича».

Алая птица: «...И это просто и приятно на слух??? Я чирикал твой щебет!»

Она взмахнула крыльями и недовольно клюнула его в воротник, не больно, но достаточно, чтобы выразить свой протест.

«Не нравится? — Те Хэнцю смущённо улыбнулся и посмотрел на Юэ Бочжи. — Юэ-цзунь, я же говорил, что не умею давать имена».

«Неплохое имя, — подумав, сказал Юэ Бочжи. — Но если хочешь что-то более изящное, можно изменить всего один иероглиф».

«Прошу вашего совета, Юэ-цзунь», — сказал Те Хэнцю.

«Как насчёт „Е Чживэнь“?» — предложил Юэ Бочжи.

«Е Чживэнь... — Те Хэнцю задумался. — По сути, то же самое, но звучит гораздо культурнее».

«Вот что значит быть начитанным!»

Алая птица, похоже, тоже была довольна и больше не протестовала.

«Тогда с этого дня тебя будут звать Е Чживэнь!» — улыбнулся Те Хэнцю.

Е Чживэнь!

Е Чживэнь!

...Внезапно — Те Хэнцю, тот, что из времени десять лет спустя, резко очнулся в облачном паланкине.

Он распахнул глаза и сел.

Тёмные узоры на его чёрной мантии Мо-цзуня тускло поблёскивали в свете. Коснувшись холодной вышивки, он на мгновение растерялся. Повернув голову, он увидел Юэ Бочжи, который сидел с закрытыми глазами. Его профиль заставил сердце Те Хэнцю сжаться.

Он вытер холодный пот со лба, пытаясь разобраться в хаосе мыслей. «Я... стал Мо-цзунем... заключил в тюрьму Юэ Бочжи... и отравил его гу».

Чтобы снять с Юэ Бочжи гу запутанной любви, они сейчас направлялись на великий турнир по фехтованию.

Его резкое пробуждение, очевидно, потревожило Юэ Бочжи.

Тот открыл глаза и повернул голову. Солнечный свет, пробиваясь сквозь завесу из акульего шёлка, скользнул по его лицу, подчёркивая его холодную, как снег, красоту.

Сознание Те Хэнцю всё ещё было в тумане, но этот пронзительный взгляд мгновенно вернул его к реальности.

<http://bllate.org/book/16975/1590749>